

Создается впечатление, что она вставлена сюда задним числом в попытке сгладить явные противоречия текста. Во-вторых, непонятно, почему Карамзин, заявив, что ему «никак нельзя» отправиться в Страсбург, тотчас же туда отправился. В-третьих, совершенно непонятно еще одно место в «Письмах»: посетив Мангейм, Карамзин замечает, что этот город показался ему особенно привлекательным. «Если бы я не торопился в Швейцарию, то остался бы здесь на несколько недель». Однако после этого заявления Карамзин совсем не едет в Швейцарию, в которую так «торопится», а отправляется во Францию, в Страсбург. В «Письмах» это странное противоречие никак не объясняется, но в автореферате, опубликованном в «Spectateur du Nord», Карамзин так объясняет свою поездку в Страсбург: во Франкфурте-на-Майне он узнал о революции в Париже и был ею «живо взволнован». После этих известий он отправился из Германии во Францию, но, столкнувшись в Эльзасе с грабежами, волнениями и слухами об убийствах, он якобы повернул, изменив первоначальное намерение, в Швейцарию. Следовательно, из Мангейма он «спешил» совсем не в Швейцарию, а во Францию. Достоин внимания и то, что по имеющимся в нашем распоряжении сведениям никаких особых волнений вокруг Страсбурга и в Эльзасе в ту пору не происходило. М. И. Невзоров и В. Я. Колокольников даже полтора года спустя, в ноябре 1790 г., когда события приняли более напряженный характер, писали из Страсбурга И. В. Лопухину: «Нам будет там в теперешних обстоятельствах Франции безопасно. Чужестранцы все, как в здешнем городе, так и во всей Франции, не только никакой, как сказывают, не имеют опасности, но еще особенно обезопасиваются».⁷ Это тем более примечательно, что через несколько месяцев Карамзин не побоялся поехать в действительно охваченный серьезными беспорядками Лион. Следует отметить, что именно со Страсбурга начинается расхождение на несколько недель между реальными датами и отмеченными в «Письмах». Наконец, самое существенное: судя по «Письмам», Карамзин не встречался с Кутузовым за границей. Между тем можно утверждать, что встреча эта имела место и, видимо, была не кратковременной. Известно, какой взрыв неприязни вызвало у масонов и особенно у Кутузова и Багрянского, т. е. у тех двух лиц, которые находились летом 1789 г. в Париже и якобы не встречались с Карамзиным, известие о том, что «Рамзей» собирается издавать свой «журнал» (т. е. дневник путешествия). В. В. Виноградов имел основания заключить: «Больше всего масоны боялись появления „Писем русского путешественника“, описания заграничной поездки Карамзина».⁸ Кутузов тревожно писал

⁷ См.: Барсков Я. Л. Переписка московских масонов XVIII века. Пг., 1915, с. 37.

⁸ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 255.